

Боевой дух Саркел и пессимизм в лирике Педэра Хузангая

Почти год проведя в разных госпиталях после тяжелого ранения, летом 1945 года старший лейтенант Педэр Хузангай вернулся в Чебоксары и почти сразу же опубликовал лирическую поэму "Саркел" в "Красной Чувашии".

Поэма "Саркел" в 120 строк была, с одной стороны, откликом на недавно пережитое, ибо поэт участвовал в боях под Сталинградом, окунулся в огонь и пламя этого ключевого сражения Великой Отечественной. С другой, здесь поэтически была представлена, скажем так, гунно-булгаро-чувашская тема. Она не была случайна для поэта, так как уже в двадцатые годы он часто вводил "булгарские" мотивы в свои стихотворения. Интересно и то обстоятельство, что свои фронтовые очерки, зарисовки в дивизионной газете солдат Хузангай печатал под именем Сувар.

27 ноября 1945 года в той же газете появляется разгромная статья секретаря по пропаганде Чувашского обкома ВКП(б) т. Вишнякова А. С. (газета "Чăваш коммуни" продублировала эту публикацию на чувашском 30 ноября. И как вспоминает поэт Георгий Ефимов: "мало публикации - эту гнусную статью дважды читают по радио" - Лирика и постановление партии" // "Хыпар", 23 января 1992 г. Пользуясь случаем, хочу выразить свою признательность Г. Ефимову за то, что он напомнил об этом малоизвестном эпизоде из творческой биографии П. Хузангая чувашскому читателю).

А. С. Вишняков сразу же, со всей партийной прямоотой приступает к делу: "...в отдельных произведениях, недавно появившихся на свет, проводятся ошибочные и прямо-таки враждебные нам взгляды. Мы имеем в виду поэму П. Хузангая "Саркел". Исходя из некоего, хорошо нам известного прежде (но, кажется, мы отвыкли от этого сейчас),

представления о реализме (конечно же, социалистическом), он пишет: "Весьма сомнительно, чтобы комсомолец, молодой воин, пел бы песню о каком-то неведомом ему городе Саркеле. Если это легенда, то легенду так исполнять нельзя". Но дело, конечно, не в отступлении от этого пресловутого метода социалистического реализма. Нужно было сформулировать политическое обвинение. Опыт в этом отношении у компартийцев - "литературоведов" накоплен к этому времени был изрядный. "Его (П. Хузангая - А. Х.) рассуждения о каком-то древнем чувашском городе Саркеле являются рассуждениями несоветскими, политически вредными, ибо в них объективно проводятся точка зрения разбитых и разгромленных буржуазных националистов".

Идеологи (б) почему-то всегда считали себя знатоками истории, вероятно, потому что усердно штудировали исторический материализм. А мой отец учился у таких корифеев Чувашской гуманитарной науки, как Н. И. Ашмарин, Г. И. Комиссаров-Вандер, Н. В. Никольский, В. Г. Егоров в Восточном педагогическом институте (Казань) и, смею утверждать, всегда серьезно занимался собственно чувашской историей, но в своих обращениях к исторической тематике, конечно же, оставался поэтом.

А. С. Вишняков делает в своей статье экскурс в историю Хазарского каганата и почему-то отказывает хазарам в праве иметь свои национальные и политические интересы и занимает прорусскую позицию. Собственно, здесь нет никакого вопроса, ибо официозная точка зрения на этот счет была хорошо известна. Только "великорусская" народность имеет свою историю, другие евразийские народы ее как бы не имели. Чем же они так провинились перед Богом? Мы и сейчас трудно, очень медленно продвигаемся по пути постижения нашей, подлинной истории.

Можно было бы и еще цитировать этот опус, как документ своего времени, но он сплошь состоит из повторов, которые в атмосфере того

периода увеличивали тяжесть политического обвинения. Впрочем, сейчас они уже малоинтересны. Вывод ясен - Педэр Хузангай не извлек соответствующих уроков из своего довоенного прошлого, искажает историю и является недобитым буржуазным националистом.

В 1946 году в журнале "Ялав" было опубликовано несколько стихотворений П. Хузангая в жанре интимной лирики (был также написан, но не опубликован тогда небольшой цикл "Черная лебедь"). Тем временем идеологический "мороз" крепчал. Был обнародован печально известный доклад А. А. Жданова о журналах "Звезда" и "Ленинград", было оформлено соответствующее Постановление ЦК ВКП(б).

Собирается расширенное собрание чувашских советских писателей, и все тот же герой нашего комментария А. С. Вишняков делает обширный доклад (см. "Чăваш коммунни", 25 сентября 1946 г). Собрание бурно его обсуждает, кто-то кается в е своих идеологических грехах, кто-то обвиняет других. Во всех жанрах находятся идеологически невыдержаннее произведения. Интимные стихи П. Хузангая (совместно с И. Тукташем) получают такую характеристику: "...полные пессимизма, упадничества (чувашский термин укёнчёллех неплохо было бы вновь ввести в оборот - А. Х.) произведения, которые уводят читателей от насущных вопросов современности и влекут в атмосферу одиноких переживаний автора..." Быть одному, открыто выражать свои чувства - тогда это было очень плохо.

В резолюции собрания П. Хузангай удостоился чести быть заклеянным отдельным пунктом. Приведу его полностью как образчик "проработочного" стиля той эпохи: "Товарищу Хузангаю указать на следующее: хотя писательская организация неоднократно критиковала идеологические ошибки в его произведениях, он до сих пор не сделал для себя нужных выводов и по-прежнему публикует идеологически

ошибочные, пессимистические произведения, а также далеко стоящие от политики и наносящие вред коммунистическому воспитанию нашей молодежи произведения. Собрание писателей осуждает барскую (чув. улпутла) точку зрения товарища Хузангая на писательскую организацию и предупреждает, что он таким образом вступает на ужасный "путь разрыва с советской литературой" (журнал "Ялав", 1946, № 9, с. 4).

Вот так бдительно "опекали" партия и собратья по перу инакочувствующих, "инакодышащих". Но поэт почему-то не хотел "делать для себя нужных выводов" и включил эти интимные стихи в книгу "Песнь сердца" ("Чёре юрри", 1952), а позднее вместе с циклом "Черная лебедь" опубликовал их в книге "Любимая" ("Савни", 1963). На русском они опубликованы в книге "Вечерняя тень" (М., "Современник", 1987). Поэма "Саркел" с тех пор ни разу не переиздавалась.

Остается добавить, что организатор и центральное действующее лицо этой политической компании А. С. Вишняков в 1994 году отметил свое 80-летие и, возможно, что он уже не помнит событий 50-летней давности. Пусть эти "деяния" останутся на его совести. Я привожу все эти факты для того, чтобы показать насущную необходимость написания объективной истории чувашской литературы, где все и вся должно быть названо своими именами. Два послевоенных года - всего лишь фрагмент этой будущей истории, касающийся поэта, который смог, тем не менее, выработать своеобразный иммунитет к попыткам идеологического перевоспитания со стороны компартии (б).

Да, верю я в свою звезду.

Она, сияя над землею,

От сердца отведет беду,

Спасет ненастною порою.

(Пер. В. Алейникова)

АТНЕР ХУЗАНГАЙ